

ДОРОГА В ОГОНЬ

Я в довольно затруднительном положении — на протяжении каких-нибудь трех-четырех месяцев мне вторично приходится вроде как признавать свое поражение. Первый раз я вынужден был это сделать на страницах журнала «Театр» после просмотра спектакля «Четвертый» в театре «Современник», сейчас же в связи с только что увиденным фильмом «Иваново детство».

Скажу сразу, — это превосходный фильм. Это большая удача, большая творческая победа молодых. Победа молодого режиссера А. Тарковского, молодого оператора В. Юсова, молодых актеров Е. Жарикова и В. Малавиной и совсем уж молодого Коли Бурляева. И победа не только молодых — «старики» тоже на высоте: давно уже нам известный С. Крылов в роли Катасонова и особенно В. Зубков (Холин), создавший в этом фильме лучшее из всего, что он до сих пор делал. Хороши и остальные.

Победа молодых! Что может быть радостнее... Но почему же я начал с какого-то поражения, выдавшего мол, на мою долю?

Попытаюсь объяснить, хотя, по совести говоря, я не до конца еще разобрался во всех мыслях, которые растормошил (именно растормошил) во мне этот фильм.

Буду откровенен. Фильм сделан не в том ключе, который мне близок. Более того, по своей манере он мне скорее противопоказан — и как зрителю, и как человеку пишущему, и, наконец, как человеку, непосредственно сталкивавшемуся с кино.

У меня, как и у каждого, кто любит кинематограф, есть свои взгляды на это искусство. Я, например, предпочитаю итальянских неореалистов Александру Довженко. Я не очень люблю в кино всякого рода формальные приемы, изощренные операторские находки, неожиданные ракурсы. Сцена в теплушке из «Баллады о солдате» — простая, искренняя, не выдуманная — мне в тысячу раз дороже эффектного поединка с танком из той же картины. В кино (да и не только в кино) мне очень важна достоверность, точность во всем, не только в общем,

но и в деталях. Я очень люблю документальное кино (хорошее, конечно), могу часами смотреть хронику военных лет, бесхитростные и в то же время до спазм в горле правдивые кадры фронтовых кинооператоров. Может, именно поэтому в художественных фильмах мне особенно дорога некая документальность — поменьше декораций, поменьше фанфары, попроще кадры, мизансцены...

Совсем недавно я видел нашумевшую на Западе картину известного итальянского писателя Пьера-Паоло Пазолини «Аккадтоне» («Нищий»). Это его первая режиссерская работа — сам написал сценарий и по нему снял фильм. Это фильм о римском «дне» — проститутках, сутенерах, нищих, ворах. Это трудный фильм — длинный, весь построенный на диалогах, которые очень трудно перевести, — герои говорят на особом, непонятном даже коренным римлянам, воровском жаргоне. Актеров в фильме нет — люди играют самих себя, а главный герой — по профессии маляр. Фильм снят очень просто, без каких-либо монтажных и прочих кинематографических ухищрений. Павильонов никаких, все снято на улице. Фильм произвел на меня очень большое впечатление, хотя многое я уловить и не смог — переводили его «на ходу», причем в основном смысл, а не дословно, — мешал жаргон. Фильм покоряет полной своей достоверностью, безыскусностью, простотой и в то же время глубиной. Это нечто близкое к толстовскому «Воскресению», но на материале современной римской окраины.

Если бы я смотрел «Аккадтоне» до того, как увидел «Иваново детство», я бы сказал — да, вот так надо снимать, только так. Мне, может быть, не очень близки и понятны проблемы, которым посвящен фильм, но, так или иначе, те два часа, которые я провел в зале, оказались мне проведеными в обществе героев Пазолини, я был все время с ними, на вот этой улице, на этой окраине, в этой траттории...

Виктор НЕКРАСОВ,
писатель

В «Ивановом детстве» я все время вижу экран. Я ни на минуту не забываю, что я в кинозале. И все же...

«Иваново детство» — фильм о войне, о людях, идущих в огонь. О мальчишке-разведчике и его взрослых друзьях. Люди воевавшие особенно придиричны к таким фильмам. Смотри, режиссер, будь точен во всем точен — мы обмана не простим. И атмосферу создай нам, которую мы знаем, и в бытовых деталях не запутайся — тебя на любой мелочи поймаем.

Авторы «Иванова детства» молоды — они не воевали. И не во всем, что касается войны, они точны, в чем-то очень приблизительны, чтоб не сказать надуманны. Я не верю, например, в зеркало на стене разрушенной церкви (кстати, эти церкви стали уже каким-то штампом у нас в кино), не верю каске на голове лейтенанта (каски страшно резонировали, их всегда выбрасывали), не верю тому, что Гальцев сам готовит Ивану баню (в жизни иначе — «Эй, солдат, приготовь пацану, да погорячее...» — и все!), и еще кое-каким мелочам тоже не верю... Но вот что странно — в другом фильме все эти мелкие неточности меня бы раздражали, а здесь нет.

Второе. Фильм никак нельзя назвать лаконичным и простым. В нем, если б хотели его ругать, «накручено дай бог чего и как». Можно, и иначе сказать — фильм очень изыскан. Ии одного «обыкновенного кадра». Сверху, снизу, и так, и этак, и через огонь, и сквозь решетку, и наискосок, и крупные планы чёго только возможно, и невероятно эффективное освещение (оно, кстати, создает часто красивую композицию кадра, но вместе с тем уничтожает достоверность солдатско-фронтовой жизни), одним словом, все в этом фильме «сделано»: все в нем со вкусом, с умением. Но рассчитано, а местами даже не в меру нагнетено. И что же? В другом фильме опять-таки меня все это раздражало бы, а здесь нет...

Третье. Я давно уже убедил себя, что экранизация — вещь не очень нужная. Если ее делает не сам автор, то автору потом кажется, что его обокрали. Если же делает автор, ему всегда жаль с

чем-то дорогим расстаться. Он слишком бережно относится к первоисточнику, и в лучшем случае получается более или менее верная копия — не больше.

Мне по секрету сказали (не знаю, правда это или нет, но, помоему, на правду похоже), что автор рассказа «Иван», по которому сделан фильм (он же один из сценаристов), В. Богомолов, как-то двояко отнесся к вышедшей картине. Как автору рассказа она, мол, не понравилась, зато как зрителю очень понравилась.

Что же все это значит? Почему же, несмотря на все сказанное, я утверждаю, что фильм — большая удача, большая победа?

Мне могут сказать — вероятно, потому что картина сделана талантливыми людьми, а талант всегда покоряет. Согласен — и Тарковский, и Юсов, и актеры — все они талантливы. Но одного таланта мало. «Поэма о море» и «Повесть пламенных лет» сделаны тоже талантливыми людьми, но там всему, что происходит на экране, не веришь, а здесь веришь. Веришь Ивану, каждому его слову, жесту, интонации, веришь капитану Холину, молоденькому лейтенанту Гальцеву, всему тому, что происходит между ним, Машей и Холиным. Веришь им. Значит, веришь и режиссеру. Да, веришь, потому что главное в этом фильме, что и делает его настоящим произведением реалистического искусства — это правда человеческих отношений. Правда очень мужественная, светлая, чистая, хотя в фильме далеко не все светло; в основе своей он трагичен — главный герой, мальчишка, которому в его возрасте за бабочками гоняться и резвиться на пляже, гибнет в огне войны, как солдат. герой. И мысль эта — вот каким могло и должно было быть и каким было Иваново детство — нам очень дорога и близка. Она звучит на протяжении всего фильма — в начале, в конце, в снах Ивана, задает тон всей картине, то есть, родивший в конце концов ту художественную форму, которая поставила меня на поначалу в тупик.

Да, авторы фильма нашли свою форму — тут споры уже ни к чему. Пусть она кажется изысканной, не простой, бог его знает еще какой (во всем этом еще будут разбираться), но она найдена. И она не только не мешает наоборот, она слилась в нечто единое с настроением, мыслю, правдой фильма. Ни где, ни разу актер не отошел на второй план, в угоду внешним, формальным поискам, как это, например, в свое время случилось в калатозовском «Неотправленном письме». Ни где (или скажем, почти ни где) формальная находка не живет сама для себя, она всегда освещает, подчеркивает определенную мысль.

Но... скажут мне, — все это очень хорошо, но вы сами говорили, что с героями фильма Пазолини вы сжились, что все время чувствовали себя в их среде, а тут, мол, все время ощущаете экран.

Да, ощущаю. И что же? Разве это запрещено какими-то законами искусства?

По-своему сдружились с экраном Тарковский с Юсовым. Не разрушили и не подчинились, а сдружились, как дружит всегда с экраном, а заодно и со зрителем — будь он москвич, парижанин или целинник — настоящее, талантливое, самостоятельное произведение искусства. Подчеркиваю — самостоятельное, так как «Иваново детство» — не просто более или менее удачная экранизация пусть хорошего рассказа. «Иван» — это вполне законченное, живущее своей собственной жизнью произведение искусства, им которому кинематограф.

В заключение несколько слов о том, с чего я начал. Оказывается, ни в каком поражении признаваться мне не приходится. Тарковский и Юсов подтвердили мне это своей картиной со всей возможной убедительностью. В вопросах искусства (да и не только искусства) мы иной разываем излишне консервативны — новое — поначалу настороживает. Так, очевидно, случилось и со мной. Э. ребята, не загибаете ли вы, не кокетничаете ли? А потом понял — нет, ошибся. И, с удовольствием в этой ошибке (а отнюдь не в поражении) признаюсь. Своей картиной Тарковский и Юсов доказали, вернее, еще раз подтвердили возможность многообразия форм искусства. Важно только, чтобы искусство это шло по правильному пути — против фальши, лжи, трескучих фраз — по прекрасному, хотя и не всегда легкому, пути правды. Тарковский и Юсов избрали этот путь. Никогда им не сходить с него.